

Кабанова Лилия Ивановна

МОДЕРН И МОДЕРНИЗМ: ПУТИ И ТРАЕКТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье анализируются история и теоретическое содержание понятий "модерн" и "модернизм" в европейской и русской культуре. Выявляются особенности эпохи европейского модерна и связанного с ним самым тесным образом культурного модернизма. Анализируются феномен "русского модернизма" и его характерные особенности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 86-89. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Арнольдов А. И.** Глобализация и национальные культуры: сферы взаимодействия. М., 2007. 52 с.
2. **Астафьева О. Н.** Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий // *Обсерватория культуры*. 2006. № 4. С. 4-10.
3. **Аттали Ж.** На пороге нового тысячелетия / пер. с англ. Л. Каневского; предисл. Э. Тоффлера. М.: Междунар. отношения, 1993. С. 94-120.
4. **Бенхабиб С.** Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.
5. **Валлерстайн И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университет. книга, 2001. 416 с.
6. **Гидденс Э.** Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
7. **Кирилл (Гундяев), Патриарх Московский и всея Руси.** Свобода и ответственность: в поисках гармонии. М., 2008. 236 с.
8. **Князева М. Л.** Кризис, черная культура, светлый человек. М., 1999. 32 с.
9. **Культурология** / под ред. Ю. Н. Солониной, М. С. Кагана. М.: Высш. образование, 2007. 566 с.
10. **Многоликая глобализация** / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона; пер. с англ. В. В. Сапова. М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.
11. **Наука, философия, общество: материалы V Российского философского конгресса (г. Новосибирск, 25-28 авг. 2009 г.)** / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: Параллель, 2009. Т. III. 496 с.
12. **Ремизов В. А.** Социальная экология культуры личности: моногр. М., 2004. 164 с.
13. **Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты** / отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007. 640 с.
14. **Селезнева Е. Н.** Идеи глобализации и мультикультурализма в современной России // *Обсерватория культуры*. 2005. № 6. С. 4-13.
15. **Трансформации культуры в глобальном информационном обществе: сб. науч. статей** / Моск. гуманит. ун-т. М., 2009. 496 с.
16. **Флиер А. Я.** Культурология для культурологов. М.: Согласие, 2010. 672 с.
17. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. М.: АСТ Москва, 2006. 571 с.
18. **Чумаков А. Н.** Глобализация: контуры целостного мира: моногр. М.: Проспект, 2009. 428 с.
19. **Hirst P., Thompson G.** Globalization in Question: the International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge, 1996. 123 p.
20. **Waters M.** Globalization. L.: Routledge, 1995. 247 p.

CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF GLOBALIZATION IN THE MODERN WORLD: THEORETICAL ASPECT

Irina Igorevna Irkhen, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Department of Social-Cultural Activity
Smolensk State Institute of Arts
yulianairk@mail.ru

The author analyzes leading scientists' ideas revealing globalization essence and its basic tendencies, shows how globalization initiates national cultures preservation process and multi-culturalism transformation and reveals "obvious and hidden" risks as the result of globalization processes influence.

Key words and phrases: globalization; world globalization culture; cultural expansion; homogenization; cultural unification; multi-culturalism.

УДК (091)130.2

В статье анализируются история и теоретическое содержание понятий «модерн» и «модернизм» в европейской и русской культуре. Выявляются особенности эпохи европейского модерна и связанного с ним самым тесным образом культурного модернизма. Анализируются феномен «русского модернизма» и его характерные особенности.

Ключевые слова и фразы: модерн; культурный модернизм; русский модернизм; франкфуртская школа неокантианства; русская метафизика.

Лилия Ивановна Кабанова, к. филос. н.
Кафедра философии
Петрозаводский государственный университет
Lila31@yandex.ru

МОДЕРН И МОДЕРНИЗМ: ПУТИ И ТРАЕКТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ®

История и теоретическое содержание понятий «модерн» и «модернизм» весьма многогранно и разноуровнево. Так или иначе, оба эти понятия погружают, так сказать, в культурный контекст современной

эпохи и современной культуры. Тем не менее нельзя не сказать о совершенно разных путях и траекториях становления, а также о различном прочтении и понимании данных явлений и понятий в европейской и русской культуре. Например, понятие модерна, в котором заключена для европейского сознания более чем трехсотлетняя история эпохи рационализма, для русского сознания – не более чем художественный феномен или в ряде интерпретаций направление стиля. Понятие модернизма, напротив, для европейского сознания имеет эстетическую нагрузку, а для русского сознания понятие модернизма сопряжено с важнейшим духовным феноменом отечественной культуры, в котором нашли отражение не столько художественные, сколько мировоззренческие искания эпохи рубежа веков. Существенной нашей задачей в свете сказанного становится выявление особенностей эпохи европейского модерна и культурного или «эстетического модернизма» (в терминологии Хабермаса), а также рассмотрение специфических черт феномена «русского модернизма», его отличия от европейского коррелята.

Среди европейских культурфилософских исследований отметим ряд значимых для нас текстов представителей франкфуртской школы неокантианства – Теодора Адорно, Макса Хоркхаймера, Вальтера Беньямина и Юргена Хабермаса. В них дана исчерпывающая характеристика понятий модерна и модернизма как явлений европейской культуры. Специфической формой рефлексии становится так называемый «процесс над модерном», включающий в себя анализ «проекта модерна» и «проекта Просвещения».

Критике эпохи модерна посвящена работа Хабермаса «Философский дискурс о модерне». В ней акцентируется внимание на длительной, неоднозначной и незавершенной по сути своей природе модерна: «...модерн – незавершенный проект» [3, с. 7]. Более чем трехсотлетняя история развития принципа субъективности, воплотившаяся в философии Декарта, в философии Просвещения и вылившаяся в пределе своем в критику «проекта Просвещения» и «проекта модерна», была сфокусирована на признании самодостаточности внутренней жизни субъекта. К середине 19-го столетия, ко времени появления философии Ницше, эта концепция столкнулась с серьезными противоречиями. Признается, что эпоха, которая призвана была сделать человека свободным, привела к полной его (человеческой) зависимости от новых (демифологизированных) культурных ценностей: власти научных методов мышления, капитализации, высокого уровня развития технического воспроизводства, позитивизации культуры.

Хабермас иронично отмечает, что даже Адорно с трудом пытался отличить аутентичный модерн от простого модернизма: «...кто, подобно Адорно, относит начало модерна к 1850 году, тот смотрит на него глазами Бодлера и авангардистского искусства» [2, с. 42]. Глазами авангардизма смотрит на модерн и сам Хабермас, принципиально связывая его становление с особенностями развития современного европейского искусства, характеризующегося «своевольной природой» [Там же, с. 40]. В связи с толкованием феномена авангарда Хабермас предлагает понятие «культурный модерн», означающее «принадлежность к современности». Настроение противостояния традиции выражается в появлении концепта «новое». Установка эстетического модерна приобретает отчетливые очертания, начиная с Бодлера, развиваясь в авангардистских течениях и в сюрреализме. Охарактеризовать ее можно позициями, формирующимися вокруг средоточия изменившегося сознания эпохи. Это сознание, поясняет Хабермас, описывается пространственной метафорой передового отряда (авангарда), который внедряется с разведывательными целями в незнакомую область. «Новое сознание эпохи, проникшее благодаря Бергсону и в философию, выражает не только опыт мобилизованного общества, ускоряющейся истории, разорванной повседневности... сознание времени, артикулируемое авангардистским искусством, пользуется объективированными массивами прошлого, ставшими исторически доступными, но одновременно восстает против уравнивания масштабов» [Там же].

Детализация темы критицизма модерна представлена в коллективной работе Адорно и Хоркхаймера «Диалектика просвещения», написанной в 30-е годы 20-го столетия. Ключевой тезис текста: «Просвещение – тоталитарно» [4, с. 20]. Резонен вопрос: почему апофеозом прогрессивно развивающегося мышления, которое призвано было сделать человека свободным от разного рода предрассудков (идолов разума), становится идея тоталитаризма? В том ли смысле эпоха тоталитарна, что она (не сама она, конечно, но тот способ понимания мира, принципиально научный, который господствует в эпоху Просвещения) породила навык тоталитарного мышления, который не замедлил воплотиться в мировых политических системах 20-го столетия? Или же в каком-то ином аспекте, скажем, с точки зрения критики предшествующих способов освоения мира? Ответ на вопрос кроется все в том же пресловутом человеческом факторе, а именно в понимании роли и места человека в новых (демифологизированных) культурных реалиях, характеризующихся властью научных методов мышления. «Просвещение стремилось разрушить мифы и свергнуть воображение посредством знания. Знание является силой. Техника есть сущность этого знания. Оно имеет своей целью не понятия и образы, не радость познания, но метод, использование труда других, капитал» [Там же, с. 16]. Знание, по признанию авторов, сила в руках привилегированной части общества, которая не гнушается ничем ради достижения господства, поэтому «просвещение относится к вещам точно так же, как диктатор к людям. Они известны ему в той степени, в какой он способен манипулировать ими» [Там же]. Авторы сетуют на процесс математизации мышления, его опредмечивания, при котором оно становится подобным машине (или инструменту), им самим порождаемой лишь для того, чтобы она в конечном итоге смогла его заменить. Опасность такого рода процедуры с мышлением связано с его (мышлением) овеществлением, что ведет к позитивизации культуры, к исчезновению и истончению метафизического измерения в качестве значимого. В конечном итоге и притязание науки на свое верховенство оборачивается столкновением с миром, редуцируемым

к математической формуле, то есть к набору знаков, отдаляющих индивида от мира значительно дальше, чем какого-нибудь дикаря из древнего племени: «Нет такого бытия в мире, которое было бы непроницаемым для науки, но то, что является проницаемым для науки, не есть бытие» [Там же, с. 42].

Критику современной культуры продолжает Вальтер Беньямин. Целью его эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» является разоблачение тоталитарного мышления современности через указание на феномен массовой культуры: «Ориентация реальности на массы и масс на реальность – процесс, влияние которого и на мышление, и на восприятие безгранично» [1, с. 25], ибо безграничны возможности технической воспроизводимости. Последнее же представляет собой новое явление в культуре. На рубеже 19-го и 20-го столетий средства технической репродукции достигли столь высокого уровня, находясь на котором, они с легкостью все что угодно могут превратить в товар. В результате репродукция заслонила собой подлинник, но даже в самой совершенной репродукции отсутствует «здесь и сейчас произведения – его уникальное бытие в том месте, в котором оно находится» [Там же, с. 19]. Репродукция – это подделка, не имеющая весомой ценности, так как изъята из традиции. Кризис традиционных ценностей представляет между тем черту времени. Ауру, неповторимость, единственность, вплетенную самим своим единичным существованием в ткань культурную, если можно так выразиться, уничтожает массовая культура (массы хотят максимально приблизить к себе, хотя бы даже и через репродукцию, желанный объект).

Модернизм в указанных исследованиях понимается в разных интерпретациях как завершающий жест эпохи модерна. Жест самозащиты, попытка предотвратить свое собственное потребление в обществе буржуазного утилитаризма или, на более позднем этапе, промышленного капитализма. Поэтому, скажем, и модернистский текст как продукт модернистской культуры обращен на себя, предельно автокоммуникативен, избегая, таким образом, участи товара, сопротивляясь его редукции к статусу просто товара. Важным моментом является то, что модернистский текст не рассматривает свой защитный жест как идеологический и не ставит под сомнение свой институциональный статус автономного искусства. Но в условиях автономии искусства в рамках буржуазного общества следует помнить о том, что такое положение вещей также на службе той же самой буржуазной, капиталистической системы и его главной иллюзии – иллюзии свободы. Таким образом, модернизм характеризуется как итог развития буржуазных отношений в западном обществе, как символ кризиса современной культуры. Основным в понимании этого феномена становится понятие автономии.

С культурфилософской точки зрения очевиден разрыв между пониманием эпохи европейского и русского модернизма. Этот разрыв сфокусирован своими различными траекториями в точке отношения к культуре и идее человека (субъекта). Данный разрыв нашел отражение в специфических чертах европейской и русской философии. Тот путь, который проделала западная философия, отличен по содержанию и форме от опыта русской мысли. Он имеет значительно более длительную историю. Тем не менее в России был богатый опыт духовного (религиозного) творчества, а затем и оригинальный опыт философствования, в недрах которого сформировалось особое отношение к проблеме человека.

В отечественной культуре идея субъекта, традиционно отталкивающаяся от признания несостоятельности любого субъективистского или индивидуалистического подхода к проблеме человека, получила свое толкование через определяющие для русского сознания идеи соборности и всеединства. Под влиянием этих определяющих идей шло формирование ряда феноменов, составивших основное содержательное поле «русского модернизма». В отличие от сходного, «культурный модернизм», который имеет отношение к опыту осмысления европейской современной культуры, не отражает процесс рационализации и технизации культурного топоса, напротив, выступает своеобразным противодействием данным тенденциям в культуре. Однако трудно не признать тот факт, что идеи ведущих западных философов, таких, например, как Шопенгауэр, Ницше, Бергсон и др., не повлияли на ход развития модернизма в России. Они его отчасти даже определили. Определили, но недоопределили. Доопределяющее значение оказали все же отечественная мысль и поднимаемые ею вопросы: смысловые, экзистенциальные, онтологические. Под влиянием этих определяющих интенций нашей национальной мысли шло формирование ряда феноменов, составивших основное содержательное поле «русского модернизма». Особо хотим отметить то, что характерной его чертой стали отнюдь не социально-исторические и даже не художественные или стилевые особенности (хотя с данного ракурса явление модернизма, как правило, и рассматривается), но сущностные или онтологические. «Русский модернизм» высвечивает значимость онтологического, метафизического, символического измерений в культуре, и любое явление в рамках модернизма может быть рассмотрено под данным углом зрения.

Список литературы

1. **Беньямин В.** Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 239 с.
2. **Хабермас Ю.** Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40-42.
3. **Хабермас Ю.** Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
4. **Хоркхаймер М., Адорно Т.** Диалектика просвещения: философские фрагменты. М. – СПб.: Медиум; Ювента, 1997. С. 16-60.

ART NOUVEAU AND MODERNISM: WAYS AND TRAJECTORIES OF FORMATION IN EUROPEAN AND RUSSIAN CULTURES**Liliya Ivanovna Kabanova**, Ph. D. in Philosophy*Department of Philosophy
Petrozavodsk State University
Lila31@yandex.ru*

The author analyzes the history and theoretical content of the notions “art nouveau” and “modernism” in European and Russian cultures, reveals the peculiarities of European art nouveau epoch and cultural modernism closely connected with it and analyzes “Russian modernism” phenomenon and its characteristic features.

Key words and phrases: art nouveau; cultural modernism; Russian modernism; Frankfurt school of neo-Kantianism; Russian metaphysics.

УДК 94(47)084.3

В статье рассматривается уровень доходов рабочих Поволжья, сложившийся в ходе воплощения в жизнь большевистской политики «военного коммунизма». Основное внимание в статье уделяется соотношению заработной платы, продовольственного пайка и цен на вольном рынке региона. В статье делается вывод о росте масштабов социального протеста на основе ухудшения материального положения рабочих.

Ключевые слова и фразы: заработная плата; голод; цена; продовольственный паек; калории; ржаная мука; продукты питания; Гражданская война.

Игорь Николаевич Камардин, к.и.н., доцент*Кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал)
Пензенского государственного университета
sehd@mail.ru***ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» В ДЕЙСТВИИ:
УРОВЕНЬ БЛАГОСОСТОЯНИЯ РАБОЧИХ ПОВОЛЖЬЯ В 1919-1920 ГОДАХ[©]**

Провозглашенный большевиками лозунг «Хлеб – голодным!» в первые годы Советской власти реализовать не удалось. Недоедание, а в отдельные периоды просто голод стали приметам этого времени. В Народный Комиссариат продовольствия РСФСР поступали телеграммы и письма с просьбами о высылке продовольствия. Так, весной 1918 года из Нижнего Новгорода поступила телеграмма с просьбой немедленно отправить маршрутными поездами хлеб для судовых команд: «Нужда крайняя, запас хлеба весь истощился. Команды волнуются. Неполучение хлеба принудит команды оставить суда. Последнее грозит расстройством транспорта» [13, с. 24]. В Симбирске «на почве реквизиции хлеба на рынке толпа жестоко избивала уполномоченного продовольственного комитета» [12, с. 45]. В крупных городах Поволжья в первые месяцы 1918 г. прошли голодные бунты [31, с. 122].

Ситуация с продовольственным дефицитом в городах во многом была обусловлена введением большевиками монополии на продажу хлеба. 27 января (9 февраля) 1918 года ВЦИК утвердил «Основной закон о социализации земли». Статья 19 закона гласила: «Торговля хлебом, как внешняя, так и внутренняя, должна быть государственной монополией» [21]. Впоследствии монополизация была распространена на все товары первой необходимости. После этого постановления частникам запрещалось продавать хлеб и, соответственно, устанавливался контроль за передвижением продуктов питания по дорогам страны. По официальным данным, за первую половину года только в Нижегородской губернии было реквизировано 20 906 пудов ржи, пшеницы, муки, пшена, круп, овса [13, с. 90]. В результате крупные партии продовольствия были распылены на миллионы мешков.

В 1918 году предпринимались попытки увеличить заработную плату рабочих, тем самым поднять хоть как-то их материальное благосостояние. Закон, утвержденный 1 сентября 1918 года, предусматривал установление минимальной заработной платы взрослому работнику в размере 15 рублей 60 копеек в день для города Москвы. Процентное соотношение в тарифных ставках промышленных и сельскохозяйственных губерний варьировалось по мере изменения экономического положения в этих губерниях. На местах, как правило, в основу разработки тарифных сеток брались ставки рабочих-металлистов. В городах Поволжья тарифный пояс устанавливался в 80% от московского, а на территории губерний – 65% [7, с. 344]. В результате